

Глава 18. Гость

На следующий день один из матросов, зайдя прибраться в каюте, обомлел от ужаса. Огромная багровая лужа на полу выглядела настолько зловеще, что малый сломя голову побежал к шкиперу. Хозяин судна, лично взглянув на кровь, тоже не на шутку перепугался — зрелище и впрямь было жуткое. Недолго думая, он бросился к своему нанимателю. Си Кунчэнь выслушал сбивчивые причитания и дикие догадки того, кто вовсю развлекал себя мыслями о жестоком убийстве на борту, но лишь снисходительно улыбнулся.

Два дополнительных золотых слитка мигом умили пыл судовладельца. Отослав его небрежным взмахом руки, Си Кунчэнь тяжело, сокрушенно вздохнул.

Не успел он присесть, как за спиной раздался звонкий, почти детский голосок. На всем судне он мог принадлежать лишь одному человеку.

— Брат Си.

— Какими судьбами в моих покоях, брат Бай? — Си Кунчэнь так и не обернулся, лишь лениво взмахнул рукой в знак приветствия. — Что-то стряслось?

Сам себя он сейчас мысленно обсмеял: надо же, улаживает чужие неприятности. Из него выходил на редкость благородный человек, аж самому противно.

— Прости за беспокойство, брат Си, — в голосе Бай По скользнуло искреннее смущение. Как ни крути, они оставались друг другу почти чужими людьми, а хлопот Си Кунчэню доставляли предостаточно.

Тот наконец обернулся. Юноша в белом стоял на пороге, неловко переминаясь с ноги на ногу.

— Пустяки, не стоит и поминать, — хмыкнул Си Кунчэнь. — Хотя... одна мысль не дает мне покоя. Не знаю даже, стоит ли озвучивать.

— О чем ты? — спросил Бай По. Совсем недавно матрос принес ему целебные снадобья, обмолвившись, что это распоряжение господина Си.

Конечно, ночная кутерьма не прошла даром, и тем удивительнее была проявленная Си Кунчэнем чуткость.

Впрочем, серьезная мина держалась на лице Си Кунчэня недолго. Он лукаво и многозначительно ухмыльнулся:

— Очень надеюсь, брат Бай, что ты не замучаешь беднягу до полусмерти.

Бай По растерялся. В этих словах ему почудился какой-то странный, едва уловимый намек. Заметив его замешательство, Си Кунчэнь лишь загадочно рассмеялся.

Прошло несколько дней. Ван Шо безвылазно сидел в своей каюте, еду ему приносили прямо в комнату. Бай По тоже не спешил его навещать. Пусть тогда, едва очнувшись, Ван Шо и выслушал его неуклюжие извинения, неловкость никуда не делась. Очарование первых дней речного путешествия давно рассеялось, уступив место унылой скуке и глухому раздражению. Дорогу Бай По ненавидел всей душой, мысленно проклиная бескрайние просторы Великой Чжоу.

Погода испортилась окончательно. К вечеру разбушевался шквалистый ветер, а следом под грохот раскатистого грома хлынул ливень. Речная гладь мгновенно вспенилась, пошла крутыми волнами. Багрово-фиолетовые росчерки молний один за другим с треском порол небо у самого горизонта. Хлипкое суденышко швыряло на волнах, точно щепку — казалось, еще миг, и пучина поглотит его без следа. На всякий случай шкипер спросил дозволения у Си Кунчэня и пристал к берегу, решив переждать ненастье. Бай По спорить не стал. В каюте было душно, но выходить под проливной дождь хотелось еще меньше.

Тьма сгущалась над рекой. Судно хоть и приткнулось к берегу, но до твердой земли оставалось добрых десять метров мутной, бурлящей воды. Из-за угла надстройки выскользнула одинокая тень и застыла на корме. Хлестал яростный ливень, все давно попрятались в сухих каютах, и лишь эта безмолвная фигура высилась под потоками воды, не шевелясь. Ветер сгибал прибрежные деревья до самой земли. Ван Шо плотно сжал губы, уставившись куда-то сквозь серую стену дождя невидящим взглядом.

Вдруг на берегу возник силуэт. Окутанный в черное пришелец стремительно промчался к воде и замер у самой кромки. Оглядев судно и приметив фигуру на корме, он легко оттолкнулся носком сапога. Скользнув над бушующей рекой, он лишь единожды едва коснулся воды — и бесшумно опустился на палубу. Перемахнуть такое расстояние одним махом мог лишь мастер с выдающимся искусством легкости.

Но какой бы бесшумной ни была поступь чужака, в ту же секунду оба проснулись.

Си Кунчэнь, лежавший на постели прямо в одежде, насторожился. Неужели к ним кто-то пожаловал?

Бай По отреагировал столь же мгновенно. Сон как рукой сняло. Впрочем, тревожиться он не стал, лишь затаился, обратившись в слух.

— Кхе, кхе... — Ван Шо глухо, надрывно закашлялся.

Услышав этот знакомый кашель, встревоженные были практики мысленно переглянулись: на

корме стоял Ван Шо, и никакой угрозы не предвиделось. Расслабившись, они вновь закрыли глаза и вскоре забылись глубоким сном.

Пришелец в черном безмолвно опустился на одно колено прямо в лужу на палубе. Голос его слегка подрагивал от волнения:

— Господин, ваш слуга виновен. Я опоздал.

Ван Шо не спешил с ответом. Его тихий голос доносился сквозь шум ливня, сочась глубокой усталостью:

— Крысы вытравлены?

Преклонивший колено лазутчик судорожно кивнул, но спохватившись, поспешно произнес:

— Все до единой, господин... — он замялся, но все же осмелился продолжить: — Прошу вас, не рискуйте так больше. Не стоит делать из себя приманку.

Ответом ему был лишь свист ветра. Лазутчик не смел поднять головы, и эта тяжелая тишина заставила его заговорить вновь, торопливо и сбивчиво:

— Вы пропали на целых два месяца... Случись с вами беда, мы бы и тысячей смертей не искупили своего позора.

— Кхе, кхе...

Ван Шо согнулся, заходясь сухим, надрывным кашлем. На этот раз притворяться не пришлось. Прошедшие дни мало помогли: дыхание по-прежнему давалось с трудом. Сила, которую Бай По оставил в его теле, оказалась невероятно вьедливой и коварной — она извивалась в меридианах, как змея, совершенно не походя на прямолинейные техники признанных школ Срединной равнины.

Услышав этот измученный хрип, стоящий на коленях человек не удержался и вскинул голову — он искренне испугался за жизнь господина.

Ван Шо не смотрел на него. Его взгляд блуждал в непроглядной темени, словно он говорил с самим небом:

— Надо же... А я ведь думал, что первыми меня настигнут его псы. Что ж, в этой партии победа осталась за мной.

Опасный маневр оправдал себя сполна. Выманить на свет и вырезать всех затаившихся соглядатаев разом — лучшего исхода нельзя было и желать. Он тонко и безумно усмехнулся.

При виде этой улыбки лазутчик поспешно отвел взгляд и снова склонил голову.

— Мой след должен остаться чистым, — негромко произнес Ван Шо. — Охрану за мной не слать. О том, что видел меня сегодня, не должна знать ни одна живая душа, кроме тебя.

В душе слуги боролись сотни сомнений и тревог, но верность долгу пересилила страх за господина. Он смиренно прижал лоб к мокрым доскам палубы:

— Слушаюсь, господин.

Ван Шо беззвучно рассмеялся и ласково коснулся его мокрых от дождя волос. Его голос звучал тихо, почти невесомо:

— Вы отлично справились. Я в вас не ошибся.

Почувствовав прикосновение и уловив болезненную слабость в голосе хозяина, преданный слуга едва сдержал подступившие слезы. В его горле встал ком:

— Да... Позвольте откланяться. Берегите себя, господин.

Он приложился лбом к палубе, а в следующее мгновение бесшумным росчерком скользнул прочь, растворяясь в дождевой завесе над рекой. Все стихло. Лишь капли дождя продолжали неистово хлестать по бескрайней водной глади.

<http://bllate.org/book/18409/1815400>